A 242/1137

ИЗДАНІЕ ТИПОГРАФІИ
А. А. ЛОРОХОВЩИКОВА.

Д 242
1137

П. А. Гейсманъ.

ВОЙНА.

ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ЖИЗНИ НАРОДА И ГОСУДАРСТВА.

«Война есть явленіе весьма естественное въ жизни народовъ, которое хотя и имѣетъ свою широкую злую сторону, но которое, въ концѣ концовъ, при благоразумномъ орудованіи этимъ средствомъ, является однимъ изъ самыхъ быстрыхъ и могущественныхъ цивилизаторовъ человѣчества».

Генералъ Леверъ.

Цѣна 50 коп.

С-Петербургъ. Бассейная, 3—5.
1896.

Изданія полковника П. А. Гейсмана.

Славяно-турецкая борьба 1876 — 1877 гг. и ея значеніе въ исторіи развитія восточнаго вопроса.

Часть I. Сербско-турецкая война 1876 года. Съ 3-мя картами. Спб. 1887 г. 1 р. 50 к.

Часть II. Русско-турецкая война 1877 — 1878 гг. Кн. I. Съ 4 картами и 1 планомъ. Спб. 1889 г. 1 р. 50 к.

Параллель между вторженіемъ пруссаковъ въ Богемію въ 1757 г. и въ 1866 г. Причины неуспѣховъ австрійцевъ на богемскомъ театрѣ войны въ 1866 г. Съ 4 карт. и 1 планомъ. Спб. 1892 г. 2 р.

Памятная книжка французскаго офицера въ Германіи. Перев. съ франц., исправл. и дополн. Съ чертеж. Спб. 1892 г. 1 р.

Германская желѣзнодорожная сѣть съ точки зрѣнія стратегическаго развертыванія арміи (сосредоточенія ея къ базѣ). Съ картой и таблицей. Спб. 1892 г. 40 к.

Оборона Севастополя. По поводу сочиненія П. Алабина „Четыре войны“. Спб. 1883 г. 30 к.

Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новые вѣка.

Часть I. Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка. Съ атласомъ. Спб. 1893 г. 1 р. 50 к.

Часть II. Исторія военнаго искусства въ новые вѣка до вѣка Людовика XIV и Петра Великаго включительно. Кн. I. Военное искусство въ Западной Европѣ. Съ 29 чертежами. Спб. 1894 г. 1 р. 50 к.

Часть III. Исторія военнаго искусства въ новые вѣка въ эпоху Фридриха В. и Екатерины В. Кн. I. Военное искусство въ Западной Европѣ. Съ 13 чертежами. Спб. 1896 г. 3 р.

Проектъ реорганизаціи польской арміи 1789 г. Карла Ф. Грисгейма. Извлеченіе съ дополнен. и заключеніями. Спб. 1894 г. 40 к.

Опытъ изслѣдованія тактики массовыхъ армій. Съ 23 чертежами и планами. Спб. 1894 г. 3 р. 50 к.

Начальникъ „Деташемента“ арміи Императрицы Екатерины Великой Подполковникъ Гейсманъ. Спб. 1895 г. 40 к.

Нѣсколько мыслей по вопросу объ отношеніяхъ стратегіи къ политикѣ (по поводу рѣчи В. И. Ламанскаго). Спб. 1895 г. 30 к.

ИЗДАНІЕ ТИПОГРАФІИ
А. А. ПОРОХОВЩИКОВА.

А 242
1137

П. А. Гейсманъ.

ВОЙНА.

ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ЖИЗНИ НАРОДА И ГОСУДАРСТВА.

«Война есть явленіе весьма естественное въ жизни народовъ, которое хотя и имѣетъ свою широкую злую сторону, но которое, въ концѣ концовъ, при благоразумномъ орудованіи этимъ средствомъ, является однимъ изъ самыхъ быстрыхъ и могущественныхъ цивилизаторовъ человѣчества».

Генералъ Леверъ.

С.-Петербургъ. Бассейная, 3—5.
1896.

Дозволено цензурою 23 ноября 1896 г.

2007111428

Значеніе вопроса о войнѣ въ дѣлѣ установленія надлежащихъ отношеній между стратегіею и политикою.

Всестороннее и въ то же время объективное изученіе военной исторіи, въ связи съ всемірною исторіею, приводитъ къ слѣдующему заключенію: начиная съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней, уроки исторіи, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, пропадали для *политики;* вслѣдствіе этого политика рѣшала вопросъ о цѣлесообразности войны сплошь и рядомъ неправильно,—давала *стратегіи* задачи, не отвѣчавшія силамъ и средствамъ, предоставляемымъ въ ея распоряженіе, не исполняла своихъ обязанностей по отношенію къ той же стратегіи въ дѣлѣ подготовки къ войнѣ въ широкомъ смыслѣ, — наконецъ, во время самой войны, весьма часто, а иногда и на всякомъ шагу стѣсняла ту же стратегію неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ сферу ея дѣятельности.

Желательно-ли повтореніе этого явленія и въ будущемъ? На нашъ взглядъ, на этотъ вопросъ возможенъ только одинъ отвѣтъ: *нѣтъ, не желательно;* мало того, желательно скорѣйшее устраненіе указанной, хронически повторяющейся, погрѣшности, а это, въ свою очередь, возможно лишь при условіи строжайшаго *упорядоченія отношеній между стратегіею и политикою.*

Какъ это ни странно, но даже въ наше время необходимость подобнаго упорядоченія почти никѣмъ не сознается: послѣ той или другой войны лишь немногіе, главнымъ обра-

зомъ, *спеціально военные* изслѣдователи доходятъ до уразумѣнія сущности даннаго вопроса; но и они приносятъ мало пользы дѣлу вслѣдствіе своей односторонности; дипломаты же, а равно и ученые не-военные, за рѣдкими исключеніями, ни до войны, ни во время ея, ни послѣ нея, не выходятъ изъ какого-то заколдованнаго круга, имѣющаго, въ данномъ случаѣ, роковое значеніе. *Дипломаты* чаще всего встрѣчаютъ и ощущаютъ непреодолимыя затрудненія и смущеніе, если только обстановка требуетъ, чтобы они покинули торный путь той или другой рутины. *Ученые не-военные* большею частью относятся съ пренебреженіемъ къ военному дѣлу, котораго они не понимаютъ, а что всего хуже,—оцѣниваютъ значеніе и самой войны съ точки зрѣнія различныхъ идеаловъ, непригодныхъ для той планеты, на которой живетъ человѣчество. Казалось бы, отъ нихъ-то скорѣе всего можно было бы ожидать всесторонняго изученія фактовъ и ихъ связи и соотвѣтствующихъ обобщеній и заключеній. Не тутъ-то было: на дѣлѣ нетрудно замѣтить сплошь и рядомъ изученіе обстановки даже недостаточно многостороннее, а это отражается и на освѣщеніи фактовъ и ихъ связи, и на обобщеніяхъ и заключеніяхъ. Вслѣдствіе этого въ наукахъ, посвященныхъ изученію развитія народовъ, все еще царитъ хаосъ. Для устраненія его имѣется лишь одно средство: должно отрѣшиться (въ области науки) отъ различныхъ предвзятыхъ идей (въ худшемъ смыслѣ) и отъ идеаловъ, непригодныхъ для земного шара и для обитающаго на немъ человѣчества; вмѣстѣ съ тѣмъ, должно обратиться къ всестороннему изученію условій обстановки, при которыхъ совершается жизнь народовъ, не пренебрегая ничѣмъ, существующимъ въ дѣйствительности, и не закрывая глазъ передъ нею, какъ бы она ни была неприглядна.

Съ этой точки зрѣнія для всѣхъ ученыхъ, какъ военныхъ, такъ и не-военныхъ, одинаково обязательны: а) уразумѣніе недостаточности принятой до настоящаго времени *программы* и соотвѣтственнаго *объема* изученія, б) надлежащее *дополненіе* указанныхъ программы и объема и в) открытіе и упроченіе

взаимной между собою *связи* и *единенія* на пользу общаго дѣла [1]).

На пути къ рѣшенію этой задачи дружными усиліями всѣхъ дѣятелей науки встрѣчается цѣлый рядъ болѣе или менѣе серьезныхъ препятствій, въ ряду коихъ первое мѣсто принадлежитъ затрудненіямъ, хотя и касающимся военныхъ вопросовъ, но выходящимъ за предѣлы военнаго дѣла. Затрудненія эти являются слѣдствіями той путаницы въ понятіяхъ, которая господствуютъ въ ученомъ мірѣ и въ обществѣ по отношенію къ такому вопросу капитальной важности, какимъ является вопросъ о *войнѣ* и о значеніи ея въ ряду другихъ явленій въ жизни народа и государства. Объ этомъ вопросѣ разсуждаютъ, съ видомъ знатоковъ, не только диллетанты, но даже и полнѣйшіе профаны въ военномъ дѣлѣ; критика проходитъ это молчаніемъ, а масса читателей считаетъ это вполнѣ естественнымъ. Неужели же вопросъ столь простъ и легко разрѣшимъ даже для диллетанта и профана, а если онъ простъ и разрѣшимъ, то правильно-ли его понимаютъ и разрѣшаютъ этотъ диллетантъ и этотъ профанъ?

Взгляды на войну ея сторонниковъ.

Вопросъ о *войнѣ* былъ возбужденъ очень давно, начиная еще съ древнихъ мыслителей, но съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени противники и сторонники войны повторяютъ въ сущности одно и то же, а самый этотъ вопросъ, бывшій спорнымъ еще въ то отдаленное время, когда работа человѣческой мысли впервые начала приносить замѣтные плоды, такъ и остается спорнымъ и въ настоящее время. Если многіе мыслители высказывались безусловно противъ войны, то немало было и такихъ, которые придерживались противоположнаго мнѣнія.

---

[1]) См. отдѣльный оттискъ моей статьи „*Нѣсколько мыслей по вопросу объ отношеніяхъ стратегіи къ политикѣ*“, стр. 2—3.

Такъ, греческій философъ *Гераклитъ* [2]) утверждалъ, что „война (борьба) это творецъ, начало всѣхъ вещей“ [3]). Въ новые вѣка *Гоббезъ* [4]) провозглашаетъ „войну всѣхъ противъ всѣхъ“ [5]), а *Спиноза* полагаетъ, что „всякій предметъ имѣетъ за собою лишь по стольку *права*, по скольку онъ имѣетъ *силы* для того, чтобы существовать и дѣйствовать“ [6]).

На рубежѣ XVIII и XIX столѣтій раздается возгласъ: „Война сама по себѣ божественна, потому что она законъ міра“. Правда, это восклицаетъ признаваемый обыкновенно носителемъ парадоксовъ *Деместръ* [7]), но не онъ одинъ придерживается подобнаго взгляда. *Прудонъ* не только его раздѣляетъ, но и еще усугубляетъ: „Война божественна, т. е. первобытна, существенна для жизни, для самаго человѣка и для общества. Война идеальна—она откровеніе правосудія. Война, это—наша исторія, наша жизнь, вся наша душа, это—законодательство, политика, государство, отечество, общественный строй, международное право, поэзія, богословіе, еще разъ—*это все*“ [8])!

Къ сторонникамъ войны принадлежитъ и *Гегель* [9]).

По мнѣнію *Лассона* [10]) „международныя отношенія не могутъ быть подчинены никакимъ законамъ, и война непрерывная, неограниченная и безпощадная представляется нормальнымъ состояніемъ международныхъ отношеній“ [11]).

Война какъ нельзя лучше согласуется съ теоріею борьбы за существованіе *Дарвина*.

---

[2]) См. *Мартенсъ*. Восточная война и Брюссельская конференція. Глава I.

[3]) Вѣрнѣе: „борьба есть міровой законъ, отецъ и царь всѣхъ вещей“. См. *Бершадскій*. Исторія философіи права (1884). Стр. 24—25.

[4]) Хотя онъ и не признается деистомъ, но былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ двигателей деизма.

[5]) и [6]) *Мартенсъ*. Глава I. *Спиноза*. Трактатъ о политикѣ (на латинскомъ языкѣ). II, § 3.

[7]) *De-Maistre*. Soirées de St.-Pétersbourg, II, 20.

[8]) См. его „La guerre et la paix“ (франц. изд.). I, 30, 53, 62, 107, 137, 203.

[9]) *Мартенсъ*. Глава I.

[10]) Авторъ сочиненій: а) „Идеалъ культуры и война“ и б) „Принципъ и будущность международнаго права“.

[11]) *Мартенсъ*. Глава I.

Наконецъ, по мнѣнію берлинскаго ученаго фонъ-*Трейчке*, „война есть и практическая, и теоретическая необходимость, и требованіе политической логики; требовать отмѣны войны значитъ посягнуть на самыя святыя чувства человѣка и изуродовать человѣческую природу“ [12]).

Что такое война?

Что же такое война? Естественно, вполнѣ удовлетворительнаго опредѣленія войны нельзя искать у всѣхъ выше перечисленныхъ мыслителей, ибо всѣ они люди не-военные, не спеціалисты, но диллетанты въ военномъ дѣлѣ, хотя и рьяные приверженцы войны. Нельзя не отдать предпочтенія весьма умѣренному, въ сравненіи съ ихъ положеніями, взгляду представителя военно-ученаго міра, генерала *Леера*, въ силу котораго „война есть явленіе весьма естественное въ жизни народовъ, которое хотя и имѣетъ свою широкую злую сторону, но которое, въ концѣ концовъ, при благоразумномъ орудованіи этимъ средствомъ, является однимъ изъ самыхъ быстрыхъ и могущественныхъ цивилизаторовъ человѣчества“ [13]). Справедливость этого взгляда очевидна. И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ вспомнить хотя бы Пруссію, чѣмъ она была въ 1806—1807 годахъ и чѣмъ сдѣлалась теперь! И ничто иное, какъ несчастная война дала ей толчекъ къ этимъ блестящимъ успѣхамъ. Другой примѣръ можно взять изъ древней исторіи: кровопролитныя войны Александра Македонскаго послужили для невѣжественной Азіи проводниками греческаго языка, греческихъ искусствъ и греческой цивилизаціи [14]). Такихъ примѣровъ можно найти во всемірной исторіи весьма много, вопреки общераспространен-

---

[12]) См. его; «*Historische und politische Aufsätze*» (Neue Folge). Leipz. B. II 782 u. flg.

[13]) См. его: «*Опытъ критико-историческаго изслѣдованія законовъ искусства веденія войны* (Положительная Стратегія)». Спб. 1869. Введеніе. Стр. 1—3.

[14]) Тамъ же: стр. 2.

ному противоположному взгляду, лишенному серьезныхъ основаній.

Пытаясь дать достаточно тѣсное и ясное опредѣленіе войны и стараясь соединить и примирить опредѣленія, принадлежащія спеціалистамъ науки права и науки военной, можно было бы сказать, что война есть *споръ о правѣ между государствами, разсматриваемыми какъ независимыя политическія силы,* или же, что это есть *средство, и притомъ крайнее средство въ рукахъ политики для достиженія государственныхъ цѣлей* [15]). Не удовлетворяясь этимъ, болѣе или менѣе рѣшительные противники войны дополняютъ то или другое опредѣленіе, имѣющее несомнѣнно научный характеръ, совершенно не идущимъ къ дѣлу „*pium desiderium*“ характера болѣе или менѣе сомнительнаго съ научной точки зрѣнія, въ силу котораго „въ будущемъ (будто бы) наступитъ время, когда война станетъ исключеніемъ“ или даже „войны вовсе не будетъ“ [16]).

Взгляды противниковъ войны.

Въ послѣднее время представители знанія, являющіеся противниками войны, нашли себѣ и своимъ идеямъ далеко не малочисленныхъ популяризаторовъ въ лицѣ художниковъ, поэтовъ, романистовъ [17]) и даже такъ называемыхъ „дѣловыхъ“ писателей. Въ ряду послѣднихъ обращаетъ на себя вниманіе г. *И. Бліохъ,* авторъ цѣлаго ряда статей, напечатанныхъ въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“ [18]) подъ заглавіемъ „*Будущая война, ея экономическія причины и послѣдствія*“.

---

[15]) См. опредѣленія *Блунчли, Гефтера, Неймана, Фіорилли* и *Мартенса* а также генерала *Леера. Мартенсъ.* Глава I. *Леръ.* Введеніе, стр. 1.

[16]) См. *Мартенсъ.* Глава I.

[17]) Въ ряду художниковъ, поэтовъ и романистовъ на первое мѣсто нельзя не поставить гр. Л. Н. Толстого. Его идеи разсмотрѣны генераломъ *Драгомировымъ* въ разборѣ романа «Война и Миръ» болѣе 25 лѣтъ тому назадъ, а въ послѣднее время мною въ статьѣ «Графъ Л. Н. Толстой и М. И. Драгомировъ съ точки зрѣнія безпристрастной критики (см. «Русская Бесѣда», 1896 г., сентябрь и октябрь).

[18]) Начиная со 2-й книжки за 1893 годъ.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ „*Стремленія противъ милитаризма*“ г. Бліохъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Издавна уже война встрѣчалась съ осужденіями ученыхъ и филантроповъ; ихъ неувѣренные нѣкогда голоса пріобрѣтаютъ все болѣе силы и твердости. Въ умственной и политической жизни Европы и Америки образовалось сознательное теченіе, дѣйствующее въ томъ же направленіи, въ какомъ дѣйствуетъ и развивается безсознательное еще, но несомнѣнное (?) чувство во всемъ культурномъ обществѣ, что и придаетъ этому теченію большую силу. Оно развѣнчиваетъ въ умахъ идею войны, затрудняетъ рѣшимость на нее, дѣлаетъ войну рѣже случающейся, а потому и менѣе вѣроятной, въ каждое данное время [19]).

„Всякій непредубѣжденный человѣкъ долженъ признать, независимо отъ своихъ личныхъ склонностей, что дѣло мира подвинулось впередъ и продолжаетъ подвигаться безпрерывно“ [20]).

Нельзя отказать г. Бліоху въ талантливости изложенія и обширной эрудиціи, но само собою является сомнѣніе, порождающее вопросъ: не должно-ли признать и самого г. Бліоха „предубѣжденнымъ человѣкомъ“, только въ смыслѣ противоположномъ тому, противъ котораго онъ ратуетъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть найденъ въ той же его статьѣ, когда онъ доказываетъ вышеприведенныя положенія.

„Вообще, начиная съ конца прошлаго вѣка и вплоть до нашихъ дней, многіе великіе люди, мыслители и практическіе дѣятели заявляютъ себя противниками разрѣшенія международныхъ споровъ оружіемъ. Вспомнимъ только имена Фихте, Лейбница, Вилланда, Шеллинга, Жанъ Поля, Сенъ-Симона, Фурье, Шатобріана, Кобдена, Милля..... Трудъ столькихъ могучихъ умовъ не могъ остаться безплоднымъ. Около половины нынѣшняго столѣтія мы замѣчаемъ стремленіе къ разрѣшенію вопроса не въ тиши кабинетовъ, а въ практическомъ прило-

[19]) «*Русскій Вѣстникъ*», 1893, кн. 4-я, стр. 261.

[20]) Тамъ же стр. 286.

женія, помощію ассоціацій и конгресовъ. Вопросъ сталъ понятенъ не только избраннымъ умамъ, но и широкимъ [21]) слоямъ общества. Дѣло уже не въ распространеніи мысли, а въ ея реальномъ воплощеніи. Надѣются склонить націи къ вступленію въ союзъ представителей разныхъ державъ и къ передачѣ спорныхъ вопросовъ на разрѣшеніе третейскихъ судовъ" [22]).

Изложивъ затѣмъ резолюціи собравшагося въ Брюсселѣ въ 1848 году перваго „конгресса мира", г. Бліохъ благоразумно уклоняется отъ разбора вопроса о томъ, возможно-ли было, при тогдашнемъ политическомъ состояніи Европы, ввести въ практику резолюціи брюссельскаго конгресса" и даже признаетъ, что „все умственное движеніе 1848 года было экскурсіей въ область теоріи, вслѣдствіе чего *тогдашніе люди теряли изъ виду реальныя условія быта*" [23]), но, тѣмъ не менѣе, полагаетъ, что „это обстоятельство не уменьшило значенія конгресса и не ослабило вліянія его резолюцій на общественное мнѣніе" [24]). Нѣтъ недостатка въ „доказательствахъ" и послѣдняго положенія, которыя, однако, ни мало не убѣдительны для „непредубѣжденнаго" читателя, полагающаго, что если бы дать волю „общественнымъ мнѣніямъ" и соотвѣтствующимъ теченіямъ 1848—1849 годовъ, то въ результатѣ получилась бы чуть ли не всеевропейская война и бойня, которая если и была предотвращена, то главнымъ образомъ благодаря воздѣйствію могущественной воли Императора Николая I.

„Первые протесты противъ войны,—говоритъ далѣе г. Бліохъ,—вылились изъ сердца людей, настолько проникнутыхъ гу-

[21]) Нужно однако имѣть въ виду, что центръ тяжести этихъ слоевъ лежитъ въ средѣ людей, нежелающихъ считаться съ дѣйствительностью и не знающихъ сущности человѣческой природы.

[22]) «*Русскій Вѣстникъ*», кн. 4-я, стр. 266—267.

[23]) Тамъ же. Авторъ подтверждаетъ, такимъ образомъ, наше поясненіе, приведенное въ выноскѣ 21-й. Жаль, что онъ не принялъ этого факта во вниманіе въ свое время и въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

[24]) Неужели автору неизвѣстно, что, при извѣстной ловкости лицъ, стоящихъ у дѣла, такъ называемое «общественное мнѣніе» всегда можетъ быть настроено въ пользу войны.

манностью, что ихъ ужасалъ процессъ войны [25]). Даже провозглашавшіе принципъ вѣчнаго мира [26]) философы обращались болѣе къ чувствамъ, чѣмъ къ умамъ... Такова обыкновенная судьба идей. Онѣ поражаютъ своей красотой ранѣе, чѣмъ истинностью [27]). Но если идея имѣетъ будущее, то наступаетъ другой фазисъ: является наука, перестраиваетъ и чаще всего уменьшаетъ размѣры зданія, созданнаго фантазіей, но за то устанавливаетъ его на непоколебимомъ основаніи своихъ истинъ. Въ данномъ случаѣ произошло нѣчто подобное. Наука явилась сторонницей мира уже на основаніи изслѣдованія общественной эволюціи. Уже Сенъ-Симонъ доказывалъ, что эпоха войнъ подходитъ къ концу, и что настаетъ эпоха промышленности. Его ученикъ Контъ развилъ и обосновалъ эту мысль: будущее принадлежитъ не убійственной борьбѣ, а труду. Тотъ же тезисъ поддерживается Т. Боклемъ въ извѣстной, переведенной на всѣ языки „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ [28]).

Итакъ, г. Бліохъ усмотрѣлъ уже наступленіе того фазиса въ развитіи даннаго вопроса, когда дѣло переходитъ изъ области „фантазіи“ въ область „науки“, и считаетъ возможнымъ провозгласить, что „наука явилась сторонницей мира уже на основаніи изслѣдованія общественной эволюціи“. Въ этихъ положеніяхъ заключаются по меньшей мѣрѣ два научныхъ недоразумѣнія. Прежде всего г. Бліохъ производитъ изслѣдованіе интересующаго его вопроса въ одномъ лишь только направленіи, т. е. тщательно подбираетъ все, что такъ или иначе гово-

[25]) На нашъ взглядъ, этотъ процессъ войны гораздо менѣе ужасенъ, чѣмъ практикующійся сплошь и рядомъ, среди глубокаго мира, въ частныхъ отношеніяхъ между людьми, процессъ болѣе или менѣе медленнаго нравственнаго и духовнаго убіенія однихъ людей другими, процессъ, къ сожалѣнію, ускользающій отъ вниманія просвѣщенныхъ «гуманистовъ».

[26]) На нашъ взглядъ, этотъ «принципъ вѣчнаго мира» дастъ въ результатѣ *reductio ad absurdum* (приведеніе къ нелѣпости).

[27]) И это потому (на этотъ разъ), что подобныя идеи только красивы, но не истинны.

[28]) «Русскій Вѣстникъ», кн. 4-я, стр. 267—268.

ритъ противъ войны, умалчивая въ то же время о данныхъ противоположнаго характера: онъ подчеркиваетъ, что трудъ выше перечисленныхъ имъ „могучихъ умовъ“ (начиная съ Фихте и кончая Миллемъ) „не могъ остаться безплоднымъ“, но игнорируетъ трудъ могучихъ же умовъ противоположнаго направленія (хотя бы тѣхъ, которые были поименованы нами въ началѣ настоящаго изслѣдованія) и т. п. Подобное отношеніе къ дѣлу сообщаетъ разсужденіямъ г. Бліоха односторонній характеръ. Предполагая даже, что онъ понимаетъ „науку“ правильно, нельзя не считаться съ тѣмъ, что онъ говоритъ отъ имени этой науки, не имѣя надлежащаго къ тому основанія, ибо онъ можетъ опираться лишь на часть, но не на всю совокупность „могучихъ умовъ“, которые должны быть ему извѣстны изъ исторіи развитія народовъ и обществъ въ широкомъ смыслѣ.

Затѣмъ является вопросъ, можно-ли уже въ наше время строить сколько-нибудь прочное зданіе „на основаніи изслѣдованія общественной эволюціи“. Не секретъ вѣдь ни для кого, что наука, основывающаяся на „изслѣдованіи общественныхъ эволюцій“, находится еще въ пеленкахъ [29]), и что работа всей совокупности извѣстныхъ изъ исторіи „могучихъ умовъ“ въ этомъ направленіи дала пока лишь весьма скромные результаты. Это заключеніе можетъ быть какъ нельзя лучше примѣнено къ соотвѣтствующей дѣятельности Сенъ-Симона и даже Конта. Предполагая эту дѣятельность извѣстною, а само заключеніе не требующимъ доказательствъ, мы остановимся нѣсколько лишь на приводимыхъ г. Бліохомъ, съ своими собственными поясненіями, положеніяхъ третьяго „могучаго ума“, Бокля.

Идеи Бокля, ихъ разборъ и оцѣнка.

„Войну можно считать явленіемъ естественнымъ, неизбѣжнымъ до извѣстнаго періода (?) *и даже въ извѣстномъ от-*

[29]) Напрасно человѣкъ (современный) преувеличиваетъ значеніе своихъ успѣховъ въ области знанія и мышленія: онъ и понимаетъ, и знаетъ еще весьма мало.

ношеній полезными [29]), но изъ этого не слѣдуетъ, что она должна быть естественной необходимостью вездѣ и во всѣ времена. Основываясь на точныхъ (!) изслѣдованіяхъ (?), Бокль считаетъ войну необходимымъ регуляторомъ отношеній только на первыхъ ступеняхъ культурнаго развитія (?). По мѣрѣ совершенствованія условій быта, потребность вооруженныхъ столкновеній становится рѣже, къ нимъ во многихъ случаяхъ не прибѣгаютъ; война переходитъ изъ категоріи обыденныхъ явленій въ категорію явленій исключительныхъ и случается все рѣже. Соціальныя условія таковы, что съ каждымъ годомъ война становится вреднѣе, и придетъ такое время, когда народы не будутъ въ состояніи переносить ее". [30]).

Великому уму Бокля пришлось запутаться въ дебряхъ въ высшей степени сложныхъ отношеній, оказавшихся не подъ силу даже и ему, слѣдствіемъ чего и явилось, между прочимъ, ложное или, по меньшей мѣрѣ, необоснованное положеніе, въ силу котораго онъ считаетъ войну „необходимымъ регуляторомъ отношеній только на первыхъ ступеняхъ культурнаго развитія". Даже и этотъ „могучій умъ" не былъ свободенъ отъ предвзятыхъ идей [31]), какъ это будетъ выяснено ниже; къ тому же, при разсмотрѣніи даннаго вопроса, онъ совершилъ крупную погрѣшность, какъ бы примѣненія къ функціи чуть-ли не трансцендентной [32]) пріемы, пригодные для примѣненія лишь къ функціямъ алгебраическимъ. Односторонне из-

[29]) И это признавалъ самъ Бокль, не взирая на то, что онъ находился подъ вліяніемъ предвзятой идеи и во что бы то ни стало хотѣлъ доказать ея справедливость. По отношенію къ историческому прошлому человѣчества онъ не могъ этого сдѣлать, въ ущербъ очевидной истинѣ. Поэтому онъ и сталъ доказывать неизбѣжность торжества ея въ будущемъ.

[30]) «Русскій Вѣстникъ», кн. 4-я, стр. 268.

[31]) И притомъ не въ лучшемъ, но въ худшемъ, схоластическомъ и метафизическомъ смыслѣ, т. е. онъ *превзято* относился къ нѣкоторымъ вопросамъ.

[32]) Функція *трансцендентная* (въ математикѣ) не можетъ быть выражена конечнымъ числомъ начальныхъ алгебраическихъ дѣйствій. Въ философіи терминомъ *трансцендентный* или *трансцендентальный* обозначается все выходящее за предѣлы опыта и постигаемое лишь высшимъ умозрѣніемъ.

слѣдованіе привело даже и его къ соотвѣтственно неудачнымъ обобщеніямъ и заключеніямъ. Не трудно видѣть, что Бокль, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, не могъ справиться съ задачею общею, сводившеюся къ уразумѣнію исторіи народовъ и обществъ во всей ея совокупности или хотя бы исторіи всѣхъ цивилизацій, извѣстныхъ во всемірной исторіи. Отчасти онъ понималъ это и самъ, вслѣдствіе чего и задался цѣлью написать на первыхъ порахъ лишь часть великаго цѣлаго, посвященную исторіи цивилизаціи одной лишь только Англіи. Однако, и этотъ трудъ не былъ имъ выполненъ согласно съ его предначертаніями; къ тому же и въ этомъ трудѣ выяснились какъ необходимость пониманія всего великаго цѣлаго, такъ и отсутствіе этого пониманія даже и у Бокля. Остается сожалѣть, что Бокль не обратилъ должнаго вниманія на древній міръ, исторія котораго представляетъ совершенно законченное цѣлое, могущее быть разсматриваемымъ отдѣльно и дать весьма назидательныя поученія для современныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ и для ученыхъ. Ставъ на точку зрѣнія мыслителей, усматривающихъ жизненный центръ исторіи народовъ и обществъ въ культурномъ развитіи и т. п. идеалахъ, и обращаясь къ древнему міру, нельзя не начать съ грековъ, а среди грековъ нельзя не поставить на первое мѣсто аѳинянъ. Въ Аѳинахъ эпоха Перикла [34]) признается обыкновенно временемъ расцвѣта въ культурномъ отношеніи, а между тѣмъ въ эту эпоху аѳиняне вели войны нисколько не рѣже, чѣмъ въ предъидущія эпохи. Самъ Перикль былъ полководцемъ, и хотя и избѣгалъ, до поры до времени, войны съ спартанцами, но дѣлалъ это съ тѣмъ, чтобы выиграть время, необходимое для подготовки къ успѣшному веденію войны противъ столь опаснаго врага. Констатируя какъ это, такъ и другія доказательства его талантовъ, какъ государственнаго человѣка и полководца, Плутархъ упоминаетъ и о существовавшемъ у его современниковъ мнѣніи, что онъ побудилъ аѳинянъ къ войнѣ съ

[34]) *Перикл*, вождь аѳинской демократіи. Жилъ съ 499 до 429 г. до Р. Х.

самійцамъ въ угоду Аспазіи [35]). Вѣрнѣе предположить, что это мнѣніе было неосновательно. Во всякомъ случаѣ, существованіе его доказываетъ, что извѣстная часть согражданъ Перикла признавала приводимую имъ причину войны недостаточною, а изъ этого, равно какъ изъ всей дѣятельности Перикла, въ свою очередь, вытекаетъ, что Периклъ, понимавшій, безъ сомнѣнія, интересы своего отечества правильнѣе массы своихъ согражданъ, признавалъ войну „необходимымъ регуляторомъ отношеній“ даже и на той высокой степени культурнаго развитія, на которой находилась въ его время Греція съ Аѳинами во главѣ. Плутархъ упоминаетъ и о философѣ Мелиссѣ, самійскомъ стратегѣ, одержавшемъ побѣду надъ аѳинянами. Этотъ философъ, равно какъ и другіе, болѣе извѣстные греческіе мыслители, не предпринимали похода противъ войны подобно Боклю и его единомышленникамъ, ибо первые были людьми не только *мысли и слова,* но и *дѣла,* тогда какъ вторые являются лишь людьми *мысли и слова;* первые видѣли въ войнѣ то, что она представляла и въ дѣйствительности, тогда какъ вторые видятъ въ ней то, что имъ желательно въ ней открыть во что бы то ни стало. Неудивительно поэтому, что древніе народы такъ и провели всю свою историческую жизнь, ведя войну гораздо чаще, чѣмъ отдыхая послѣ нея (и занимаясь мирнымъ трудомъ чуть-ли не для того, чтобы лучше подготовиться къ войнѣ), тогда какъ Бокль и его единомышленники гоняются за призракомъ, существующимъ только въ ихъ воображеніи, а не въ исторіи, не въ жизни народовъ и обществъ.

„Бокль,—продолжаетъ г. Бліохъ,—настаиваетъ особенно на томъ, что вредъ прогрессу наносится не столько самою войной, сколько развивающейся въ извѣстные моменты склонностью къ войнѣ [36]). Бокль разъяснилъ и распространилъ мысль о томъ, что исторія міра является прежде всего плодомъ внутренняго

[35]) См. *Плутарха*, Сравнительныя жизнеописанія... (Изданіе А. С. Суворина). Т. II. вып. 2-й, стр. 153.

[36]) «Русскій Вѣстникъ», кн. 4-я, стр. 268—269.

развитія народовъ и ихъ *умственнаго* [37]) прогресса, а не воли и талантовъ хотя бы самыхъ сильныхъ отдѣльныхъ лицъ. Поэтому не произволъ, а неизмѣнные и твердые, хотя и неизвѣстные намъ еще законы управляютъ судьбами исторіи. Ни честолюбіе, ни произволъ, ни безуміе [38]) не въ состояніи свести человѣчество съ пути, по которому оно движется. Если война исчезнетъ, благодаря общественному прогрессу, то никто не можетъ возвратить ей прежняго значенія" [39]).

Выше было уже выяснено, что война, при „благоразумномъ орудованіи" ею, является „однимъ изъ самыхъ быстрыхъ и могущественныхъ цивилизаторовъ человѣчества" [40]). Въ виду этого положеніе Бокля, что „вредъ прогрессу наносится не столько самою войной, сколько развивающейся въ извѣстные моменты склонностью къ войнѣ", подтверждаетъ прежде всего фактъ весьма не полнаго пониманія Боклемъ значенія войны въ ряду другихъ явленій въ жизни народовъ и обществъ, подъ вліяніемъ излюбленной предвзятой идеи. Этимъ же вліяніемъ объясняется то обстоятельство, что Бокль не замѣтилъ, какъ въ отдѣльныхъ, такъ и въ коллективныхъ единицахъ, наличности „склонности къ войнѣ (борьбѣ)" всегда и всюду, если не въ явномъ, то въ болѣе или менѣе скрытомъ состояніи, вслѣдствіе чего и усмотрѣлъ лишь то, что доступно болѣе или менѣе слабому историческому зрѣнію, т. е. „развитіе склонности къ войнѣ въ извѣстные моменты", представляющее въ дѣйствительности лишь переходъ этой склонности изъ скрытаго состоянія въ яв-

[37]) Неужели автору и его единомышленникамъ неизвѣстно, что одинъ только умственный прогрессъ (хотя бы въ данномъ отношеніи) недостаточенъ, ибо *умъ* можетъ направлять человѣка на дурное чуть-ли не скорѣе, чѣмъ на хорошее.

[38]) Въ дополненіе къ поясненію, приведенному въ предыдущей выноскѣ, приходится отмѣтить, что какъ умъ, такъ и „безуміе", если оно существуетъ въ полномъ видѣ, то это ничто иное, какъ умъ, сводящійся къ нулю, могутъ направлять человѣка на дурное, съ тою лишь разницею, что первый дѣлаетъ это сознательно, а второе безсознательно.

[39]) Нужно, однако, доказать, что „война исчезнетъ", а этого-то Бокль и не доказалъ.

[40]) См. выше, стр. 7, выноска 13.

ное. Съ этой точки зрѣнія сѣтованія Бокля на вредъ, приносимый этою склонностью, лишены серьезнаго значенія и доказываютъ лишь непониманіе имъ сущности природы человѣка, котораго онъ воображаетъ не такимъ, какимъ онъ является въ дѣйствительности, а такимъ, какимъ онъ долженъ быть по идеалу, принятому на сей случай самимъ Боклемъ. Далѣе, присоединяясь къ положенію, что „исторія міра является прежде всего плодомъ внутренняго развитія народовъ", и признавая важное значеніе *„умственнаго прогресса"*, мы въ то же время не можемъ согласиться съ постановкою послѣдняго на первый планъ.

Значеніе умственнаго прогресса. Отношеніе элемента умственнаго къ элементу духовному.

„Умственному прогрессу" обыкновенно придается первенствующее значеніе; онъ признается чуть-ли не универсальнымъ средствомъ для устраненія всѣхъ золъ и бѣдствій, испытываемыхъ человѣчествомъ. Подобный взглядъ проникаетъ даже и въ военныя сферы, особенно послѣ походовъ 1866 и 1870—71 годовъ, когда всѣ побѣды, одержанныя пруссаками въ эти кампаніи, были приписаны *„прусскому школьному учителю"*. Возможно-ли примирить этотъ взглядъ съ мнѣніемъ Наполеона, въ силу котораго успѣхъ на войнѣ зависитъ на $^3/_4$ отъ элемента *моральнаго* (духовнаго) и только на $^1/_4$ отъ условій матеріальныхъ. „Энциклопедисты" XIX столѣтія [41]) и ихъ послѣдователи, имѣющіеся даже и въ военныхъ сферахъ, готовы примирить оба эти взгляда посредствомъ разныхъ хитросплетеній, главнымъ же образомъ посредствомъ отождествленія элемента *умственнаго* съ элементомъ *духовнымъ*, или по крайней мѣрѣ посредствомъ признанія между ними тѣсной связи и прямой пропорціональности. Они полагаютъ, что если въ какомъ-

[41]) Приходится такъ именовать всѣхъ тѣхъ дѣятелей нашего вѣка, кои, частью сознательно, большею же частью безсознательно, дѣйствуютъ въ томъ же направленіи, въ какомъ дѣйствовали извѣстные энциклопедисты XVIII столѣтія.

либо народѣ (или въ какой-либо культурно-исторической группѣ) возвышается уровень развитія умственнаго, то вмѣстѣ съ тѣмъ возвышается будто бы и уровень его же развитія въ отношеніи нравственномъ и духовномъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности въ каждомъ народѣ или въ каждой отдѣльной культурно-исторической группѣ развитіе въ отношеніи нравственномъ и духовномъ получаетъ уже отрицательное значеніе, тогда какъ развитіе умственное продолжаетъ еще прогрессировать, или, въ худшемъ случаѣ, сохраняетъ положительное значеніе, но оказывается несостоятельнымъ и не можетъ поддержать одряхлѣвшій въ духовномъ отношеніи народъ, который при такихъ условіяхъ и падаетъ окончательно. Это не лишено значенія и по отношенію къ ходу развитія военнаго искусства, ибо наивысшія ступени развитія этого искусства вовсе не могутъ быть связаны ни съ временемъ наивысшей ихъ образованности (эпохою наибольшаго просвѣщенія), ни съ наивысшимъ состояніемъ культуры [42]). Мало того, военное искусство достигаетъ обыкновенно кульминаціоннаго пункта своего развитія въ ту эпоху историческаго существованія каждаго изъ народовъ, когда этотъ народъ живетъ наиболѣе полною жизнью, находя гармоническое удовлетвореніе всѣмъ своимъ потребностямъ вообще, но прежде всего *духовнымъ*, въ особенности же когда въ каждомъ гражданинѣ, могущемъ быть воиномъ, чувство патріотизма и долга по отношенію къ отечеству и къ олицетворяющей его верховной власти имѣетъ рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми остальными побужденіями.

Итакъ, должно поставить выше всего потребности *духовныя;* затѣмъ уже слѣдуютъ *умственныя* и, наконецъ, *матеріальныя;* съ наступленіемъ же періода паденія народа, наоборотъ, первое мѣсто занимаютъ потребности матеріальныя, затѣмъ слѣдуютъ умственныя и, наконецъ, постепенно умаляясь, потребности духовныя (при чемъ данный народъ, оста-

---

[42]) См. соч. генерала Пузыревскаго «исторія военнаго искусства въ средніе вѣка» и мой «Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новые вѣка», ч. 1, стр. 11—12.

ваясь столь же цивилизованнымъ, какимъ былъ до наступленія указаннаго періода, постепенно превращается въ явно звѣрообразную коллективную единицу).

Ставъ на эту точку зрѣнія, нельзя не признать, что умственный элементъ не имѣетъ ничего общаго съ элементомъ духовнымъ и самъ по себѣ крайне ненадеженъ, а въ виду этого нельзя не согласиться съ генераломъ *Драгомировымъ*, когда онъ высказывается въ пользу преобладанія воли надъ умомъ, если уже нельзя разсчитывать на равновѣсіе между ними, и ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ преобладанія ума надъ волею [43]).

Прусскій школьный учитель если и развивалъ, то скорѣе всего умъ, но и тутъ значительная часть приписываемыхъ ему заслугъ должна быть отнесена на долю протестантской церкви, установившей для своихъ послѣдователей извѣстный обязательный образовательный цензъ. Сверхъ того, должно еще принять въ соображеніе, что смѣшанныя по составу племена, вообще, наиболѣе энергичны, а нѣмцы, завоевавшіе и насселившіе коренныя владѣнія прусскихъ Гогенцоллерновъ, принявъ въ себя примѣсь славянскаго элемента, образовали подобное смѣшанное племя, которое отличалось энергіею, трудолюбіемъ, дѣловитостью и другими драгоцѣнными качествами, и вслѣдствіе этого къ 1866 г. заняло первое мѣсто въ германскомъ мірѣ; это же отражалось на *воспитаніи* молодого прусскаго поколѣнія, цвѣтъ котораго поступалъ въ армію. Серьезное *воспитаніе въ прусско-нѣмецкой протестантской семьѣ*, а вовсе не прусскій школьный учитель, сообщало молодымъ солдатамъ прусской арміи ихъ отличныя качества въ смыслѣ матеріала, а достаточно правильное *воспитаніе войскъ* довершало это дѣло. Вотъ почему въ 1866 году прусскія войска отличались выдающимися боевыми качествами. Если у нихъ и были недостатки,

[43]) Если волю уподобить основанію, а умъ высотѣ прямоугольника, то, въ виду малой вѣроятности полученія квадрата, предпочтительнѣе прямоугольникъ съ бо́льшимъ основаніемъ, чѣмъ съ бо́льшею высотою. Это совершенно согласно и со взглядомъ Наполеона I на этотъ вопросъ.

то они могли имѣть значеніе только въ будущемъ, ибо успѣхъ 1866 года не могъ не испортить пруссаковъ. Они одержали этотъ успѣхъ благодаря своимъ хорошимъ сторонамъ, а дурныя остались безнаказанными и незамѣченными. Они начали тяготиться первыми, достававшимися имъ съ трудомъ, а вторыя продолжали существовать на законной почвѣ, и идти противъ нихъ было трудно, такъ какъ они выдержали боевую пробу, при чемъ былъ одержанъ успѣхъ. Итакъ, *успѣхъ* явился первою причиною, оказавшею вредное вліяніе на качественную сторону прусскихъ войскъ.

Вторую причину, дѣйствовавшую въ томъ же направленіи, представляло *численное усиленіе* прусской арміи посредствомъ увеличенія числа войсковыхъ частей и влитія контингентовъ другихъ германскихъ государствъ въ составъ новой арміи сѣверо-германскаго союза [44]). Наконецъ, третью причину составляло *нарушеніе равновѣсія между духовнымъ и умственнымъ развитіемъ* прусскаго народа въ пользу умственнаго развитія, происшедшее чуть-ли не наканунѣ 1866 года, но не успѣвшее обнаружиться; когда же Пруссія стала превращаться въ Германію, а между тѣмъ цивилизація продолжала свое дѣло, то преобладаніе умственнаго элемента надъ духовнымъ начало обнаруживаться все болѣе и болѣе замѣтно; но такъ какъ умственный элементъ одинъ не можетъ преобладать, то вмѣстѣ съ нимъ выдвинулся и раздѣлилъ господство (съ тѣмъ, чтобы его впослѣдствіи окончательно подавить) элементъ *матеріальный*, представляемый матеріальными потребностями и низменными побужденіями человѣка. 1870 годъ слишкомъ близко отстоялъ отъ 1866. Поэтому и не могло быть слишкомъ большого различія. Тѣмъ не менѣе, вліяніе разрушительной работы времени и указанныхъ неблагопріятныхъ условій на прусскій народъ и на его вооруженную силу можетъ быть замѣчено даже и въ войну 1870—71 годовъ [45]).

[44]) При этомъ войска второстепенныхъ и мелкихъ германскихъ государствъ конечно, улучшились, но собственно прусская армія не могла не ухудшиться.

[45]) Однако, замѣтить это можетъ лишь тотъ, кто прежде всего перестанетъ

Война эта произошла при условіяхъ въ высшей степени неблагопріятныхъ для французовъ и столь же благопріятныхъ для нѣмцевъ. Превосходство прусской военной системы надъ французскою было весьма велико: въ послѣдней съ объявленіемъ мобилизаціи водворился полнѣйшій хаосъ, тогда какъ въ первой господствовалъ строгій порядокъ. Французская армія сосредоточивалась на линіи Тіонвиль-Бельфоръ; 6-го августа на протяженіи 250 верстъ было только 275,000 французовъ. Между тѣмъ 500,000 нѣмцевъ развернулись на линіи Триръ-Карльсруэ на протяженіи не болѣе 150 верстъ. У нѣмцевъ все было исправно; у французовъ же безпорядокъ все болѣе и болѣе увеличивался, а что хуже всего, авантюрпстическая и начинавшая терять почву подъ собою политика командовала растерявшеюся и плохо понимавшею свое дѣло стратегіею. Французы потерпѣли цѣлый рядъ пораженій; арміи Базена и Макъ-Магона сдались непріятелю; имперія была свергнута; водворилась республика; нѣмцы обложили Парижъ. Когда Гамбетта (въ Турѣ) началъ организовать оборону, имѣлось какихъ-нибудь 2 баталіона, небольшая часть кавалеріи и 6 орудій, могущихъ дѣйствовать въ полѣ. Франція почти уже не существовала, какъ государство. Однако, Гамбетта находитъ генераловъ и солдатъ и создаетъ массы войскъ, изъ которыхъ не менѣе 600,000 человѣкъ выступаютъ противъ нѣмцевъ. Конечно, дѣйствія этихъ импровизованныхъ армій не особенно блестящи, но, тѣмъ не менѣе, успѣхъ операцій нѣмцевъ виситъ на волоскѣ, который могъ бы легко оборваться при болѣе умѣломъ руководствѣ операціями французскихъ армій. Замѣчательно, что съ Австріею, находившеюся въ большей степени готовности, пруссаки покончили въ нѣсколько недѣль, тогда какъ борьба ихъ съ Франціею затянулась до слѣдующаго года, несмотря на то, что Франція была имъ выдана какъ бы связанною и по рукамъ, и по но-

предвзятто относиться къ пруссакамъ и допустить возможность и у нихъ ошибокъ, слабыхъ сторонъ и т. п. Какъ это ни просто на первый взглядъ, но до послѣдняго времени у насъ преобладало именно это *предвзятое* отношеніе, въ силу коего одна только попытка отнестись критически къ пруссакамъ вызывала порицаніе.

гамъ. Это можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что французы, даже не готовые къ борьбѣ, являлись болѣе серьезнымъ противникомъ, чѣмъ австрійцы, а сами пруссаки въ какихъ-нибудь четыре года успѣли измѣниться къ худшему. Въ этомъ можно убѣдиться, ознакомившись съ войнами 1866 и 1870—71 годовъ въ тактическомъ отношеніи. Оцѣнивая германскую армію 1870—71 годовъ по родамъ оружія, нельзя не признать, что болѣе всѣхъ подвинулась впередъ артиллерія; кавалерія, по меньшей мѣрѣ, была не хуже, чѣмъ въ 1866 г.; въ *пѣхотѣ* же существовали уже довольно замѣтные недостатки, изъ коихъ главный сводился къ склонности ея выходить изъ рукъ начальниковъ, а за нимъ скрывалось еще нѣчто иное, являвшееся слѣдствіемъ излишняго развитія частной иниціативы и излишняго же развитія умственнаго элемента въ ущербъ духовному. Справедливость этого заключенія можетъ быть подтверждена данными, содержащимися даже въ сочиненіяхъ германскихъ писателей, какъ, напримѣръ, *Шерфа* [46]) и *Гёнига* (называемаго у насъ *Хёнигомъ* [47]).

Нашъ военный писатель баронъ *Каульбарсъ* представилъ весьма интересную и многостороннюю характеристику германской арміи въ своемъ трудѣ „Новыя замѣтки о германской арміи“, изъ котораго приходится вывести заключеніе, что въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ армія эта представляла еще организмъ, устроенный въ высшей степени цѣлесообразно и вообще весьма близкій къ идеальному. Однако, съ этимъ согласиться нельзя, ибо подобное заключеніе было бы справедливо лишь по отношенію къ прусской арміи 1866 года; въ указанное же время можно было уже усмотрѣть нѣкоторые

[46]) См. его *„Studien zur neuen Infanterie-Taktik“* или въ извлеченіи въ «Военномъ Сборникѣ» 1874 г., №№ 1—3, 6—8, 10—12.

[47]) См. его: а) *„Zwei Brigaden“* или «Военный Сборникъ» 1882 г., № 6, библ.; б) Untersuchungen über die Taktik der Zukunft, entwickelt aus der neueren Kriegsgeschichte». Часть этого труда имѣется въ русскомъ переводѣ *В. И. Аѳанасьева*. подъ заглавіемъ «Тактика будущаго».

диссонансы въ этой гармоніи [48]). Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прежняя система годового курса обученія германской пѣхоты пострадала прежде всего вслѣдствіе обремененія арміи скороспѣлымъ обученіемъ рекрутскаго запаса, которое нарушало старинныя прусскія традиціи въ то время, когда онѣ должны были восторжествовать во Франціи; съ теченіемъ же времени Германія вступила на путь, который приведетъ къ превращенію ея арміи въ *милицію*. Обученіе германской пѣхоты въ то время было еще хорошо, но начинало сильно грѣшить односторонностью въ пользу тактики огня, въ связи съ преобладаніемъ умственнаго элемента въ ущербъ духовному. Излишній педантизмъ на уставныхъ ученьяхъ начиналъ уже вести къ преобладанію формы надъ духомъ, а чрезмѣрное развитіе частной инициативы на ученьяхъ съ тактическою цѣлью вело къ тому, что германская пѣхота пріучалась выходить изъ рукъ начальниковъ еще болѣе, чѣмъ въ 1870 году Въ будущемъ эти недостатки будутъ возрастать, а остановка на этомъ пути невозможна, ибо это теченіе совпадаетъ съ общимъ направленіемъ жизни германскаго народа, характеризующимся тѣмъ же *нарушеніемъ равновѣсія между элементами духовнымъ и умственнымъ*, на первый взглядъ въ пользу *умственнаго*, а въ дѣйствительности въ пользу *матеріальнаго*.

Такимъ образомъ, въ третью четверть XIX столѣтія, выгодное сочетаніе элементовъ духовнаго и умственнаго, обезпечивавшее и „умственный прогрессъ", дало возможность германскому народу достичь поразительныхъ успѣховъ; но какъ только нарушилось это равновѣсіе въ пользу элемента умственнаго, то (въ послѣдпюю четверть того же столѣтія) произошло явленіе не менѣе поразительное: умственный прогрессъ замедлился и ослабѣлъ (если не сказать хуже), но за то выдвинулся на первый планъ элементъ *матеріальный*, что приведетъ къ господству *матеріализма* и къ болѣе или менѣе полному отсутствію духовныхъ и нравственныхъ идеаловъ, или, иначе говоря, къ

[48]) Но для того, чтобы ихъ усмотрѣть, необходимо было помнить заповѣдь: «Не сотвори себѣ кумира».

обратному превращенію подобныхъ народовъ и обществъ въ коллективныя единицы, не возвышающіяся надъ „первыми ступенями культурнаго развитія“, которыя, даже и по ученію Бокля, не будутъ въ состояніи обойтись безъ войнъ [49]).

Значеніе войны, какъ экзамена въ политической правоспособности.

Бокль упускаетъ изъ виду, что война имѣетъ значеніе экзамена, который приходится держать отъ времени до времени государствамъ и народамъ, чтобы доказать свою политическую правоспособность, при чемъ то государство и тотъ народъ, которые не въ состояніи выдержать этотъ экзаменъ, терпятъ болѣе или менѣе суровыя наказанія, а въ худшемъ случаѣ падаютъ. Съ этой точки зрѣнія не только война имѣетъ положительное, а иногда и благотворное значеніе [50]), но и „развивающаяся въ извѣстные моменты склонность къ войнѣ“ можетъ принести большую пользу тому или другому государству и народу [51]).

Обратимся для примѣра къ Польшѣ въ эпоху реформъ, заканчившуюся дѣлами извѣстнаго „четырехлѣтняго сейма“. Разсматривая эту эпоху, одинъ изъ лучшихъ польскихъ историковъ, *В. Калинка*, говоритъ по поводу предполагавшагося польско-русскаго союза слѣдующее: „Предложеніе о заключеніи союза между Польшею и Россіею исходило отъ Станислава-Августа. Эта мысль, въ основѣ коей лежало намѣреніе (короля) втянуть Рѣчь Посполитую въ войну, занимала его уже давно. Во время войны за баварское наслѣдство (1778—1779) онъ хотѣлъ, соединившись съ Россіей и Пруссіей, ударить на Австрію и отобрать отъ нея... Галицію. Въ 1783 году, когда назрѣвала уже война Россіи съ Турціей, онъ предложилъ

[49]) См. «Русскій Вѣстникъ», кн. 4-я, стр. 268.

[50]) См. *Jeger*. Опытъ крит.-истор. изсл. закон. иск. веденія войны, введеніе, стр. 1—3.

[51]) Напримѣръ, въ смутную эпоху исторіи нашего отечества, во время междуцарствія, когда склонность къ войнѣ развилась даже среди такихъ гражданъ, какъ *Мининъ*, и такихъ служителей Бога, какъ Авраамій *Палицынъ*.

Императрицѣ свою помощь. Въ Каневѣ онъ сдѣлалъ это предложеніе въ третій разъ... Не подлежитъ сомнѣнію, что мысль втянуть Рѣчь Посполитую въ войну была по существу спасительна. Въ теченіе 70 лѣтъ слишкомъ Рѣчь Посполитая не вела войны регулярной: воинственный (и военный) духъ въ (польскомъ) народѣ [52]) исчезъ и не могъ быть возбужденъ вновь Барскою конфедераціею, которая, за малыми исключеніями, дала лишь безпорядочную рухавку [53]). Вмѣстѣ съ военнымъ духомъ исчезъ и политическій смыслъ; въ теченіе полувѣка слишкомъ общественныя дѣла сводились къ перевѣсу на сеймикѣ и въ трибуналѣ (судѣ), захватыванію староствъ и должностей, сутяжничеству и т. п... „Это народъ адвокатовъ", писалъ нерѣдко Штакельбергъ. Все измельчало и пришло въ состояніе неспособности къ полезной дѣятельности въ царствованіе послѣдняго саксонца [54])... При столь плачевномъ разстройствѣ указаніе народу какой-нибудь болѣе возвышенной цѣли могло быть источникомъ спасенія. Война имѣетъ въ себѣ нѣчто почтенное, лояльное: посредствомъ войны народы обыкновенно очищаются, идутъ впередъ. Поднять и воодушевить военною славою умы поляковъ, вырвать ихъ изъ состоянія сварливой оппозиціи и разрозненности, являвшагося слѣдствіемъ бездѣятельности; воспользоваться случаемъ, который дала бы война, чтобы усилить правительственную власть, увеличить армію, закалить ее въ бою, пріобрѣсти вновь извѣстное уваженіе къ польскому имени въ Европѣ, ввести Рѣчь Посполитую въ европейскіе договоры, и наконецъ, возвратить ей, по возможности, часть потерянныхъ земель или получить за нихъ какое-нибудь вознагражденіе,—вотъ каковы были причины упомянутаго стремленія короля, и эти причины должны быть признаны

[52]) Калинка понимаетъ «народъ крайне узко, но въ ту эпоху такъ его и понимали.

[53]) *Рухавка* слово польское (*ruchawka*), обозначающее безпорядочное ополченіе импровизованныхъ воиновъ, какими являлись *конфедераты* прежнихъ временъ и *повстанцы* послѣдняго времени.

[54]) Августа III (1733—1763).

болѣе чѣмъ основательными“ [55]). Итакъ, король Станиславъ-Августъ, а съ нимъ и нѣкоторые (впрочемъ, весьма немногочисленные) передовые поляки понимали, важное и притомъ положительное, значеніе для Польши (равно какъ и для всякаго другого государства и народа) войны, надлежащаго устройства и достаточной числительности вооруженной силы, воинственнаго и особенно военнаго духа въ народѣ, и это было не „на первой ступени культурнаго развитія“ Польши, измѣнившей даже общеславянскому знамени ради европейской культуры, а за 7—8 лѣтъ до исчезновенія Польши съ политической карты Европы. „Развитіе склонности къ войнѣ“ въ полякахъ въ этотъ историческій моментъ принесло бы Польшѣ извѣстную пользу, а недостатокъ у нихъ тѣхъ качествъ, идеаловъ и стремленій, которые были необходимы по мнѣнію Калинки и которые были немыслимы безъ войны, и привелъ ихъ къ паденію.

Противовоенное движеніе второй половины XIX вѣка и его оцѣнка.

„Противовоенное движеніе, продолжаетъ г. Бліохъ, достигло наибольшаго развитія въ концѣ шестидесятыхъ годовъ...“ [56]), а черезъ нѣсколько страницъ онъ же восклицаетъ: „Чувство ужаса овладѣло сторонниками вѣчнаго мира при видѣ того, какъ велась война 1870 года..... *Избивались взаимно съ дикимъ увлеченіемъ избранники человѣчества, два народа, стоящіе во главѣ прогресса* [57])..... Война 1870—71 годовъ нанесла сильнѣйшій ударъ пропагандѣ мира“..... [58]). Въ 1873 году

---

[55]) См. *Калинка*. Четырехлѣтній сеймъ.. Изданіе 4-е (1895 г.) Т. I, ч. 1-я, стр. 66—68.

[56]) «Русскій Вѣстникъ», 1893, кн. 4-я, стр. 269.

[57]) Тамъ же, стр. 275.

[58]) Такимъ образомъ *слова* Бокля были блистательно опровергнуты *дѣлами* «избранниковъ человѣчества, народовъ, стоящихъ во главѣ прогресса», французовъ и нѣмцевъ. Да и восточная война 1853—56 гг. хотя и началась между менѣе цивилизованными Россіею и Турціею, но была вызвана правительствомъ архицивилизованной Англіи, велась затѣмъ ею и Франціею, при чемъ культурная Западная Европа относилась къ этой войнѣ сочувственно. Объ этомъ Бокль не успѣлъ подумать.

англійскій парламентъ, 98 голосами противъ 88 [59]), просилъ въ особомъ адресѣ королеву, чтобы „поручено было министру иностранныхъ дѣлъ войти въ переговоры съ прочими государствами, съ цѣлью выработки лучшей системы международнаго права и учрежденія международнаго суда“..... „Королева выразила горячее сочувствіе филантропическимъ стремленіямъ, высказаннымъ въ адресѣ, и заявила, что она всегда дѣйствовала въ томъ направленіи, чтобы международные споры рѣшались не оружіемъ, а мнѣніями незаинтересованныхъ государствъ“.... [60]). Къ сожалѣнію, министры королевы Великобританіи нерѣдко дѣйствовали въ совершенно противоположномъ направленіи, напримѣръ въ 1853—1854 и 1875—78 годахъ, а потому и данное въ томъ же отвѣтѣ обѣщаніе „не сходить и впредь съ этого пути“ не могло имѣть сколько-нибудь серьезнаго значенія въ смыслѣ желательномъ для вышеупомянутыхъ 98 англійскихъ депутатовъ.

Въ томъ же 1873 году итальянская палата приняла, по предложенію Манчини, слѣдующую резолюцію: „Палата выражаетъ желаніе, чтобы королевское правительство стремилось въ международныхъ отношеніяхъ къ учрежденію третейскаго суда во всѣхъ случаяхъ, когда это окажется возможнымъ“ [61]). Эта осторожная редакція пришлась какъ нельзя болѣе кстати, ибо Италія послѣ того вступила въ составъ тройственнаго союза, хотя и присвоившаго себѣ наименованіе „лиги мира“, но задающагося въ общемъ цѣлями, которыя, съ теченіемъ времени, могутъ привести чуть-ли не къ общеевропейской войнѣ; политика же Италіи по отношенію къ Абиссиніи прямо противорѣчитъ идеѣ Манчини.

Г. Бліохъ считаетъ, что за идею вѣчнаго мира высказались только (не считая Соединенныхъ Штатовъ) представительства двухъ великихъ державъ—Италіи и Англіи, примѣру коихъ

---

[59]) Г. Бліохъ забылъ пояснить, что всѣхъ депутатовъ въ англійскомъ парламентѣ 670. Изъ нихъ отсутствовало 484, а изъ присутствовавшихъ 186 почти половина была противъ подобнаго адреса.

[60]) и [61]) «Русскій Вѣстникъ». Кн. 4-я, стр. 276.

послѣдовали парламенты нѣкоторыхъ меньшихъ государствъ, что если законодательныя палаты Франціи, Германіи и Австріи хранятъ до сихъ поръ молчаніе, то причиною тому является настоящее политическое положеніе дѣлъ въ Европѣ, что когда оно измѣнится, то всѣ европейскія представительства будутъ требовать учрежденія третейскихъ судовъ, и что даже въ Россіи замѣтно движеніе, стремящееся къ упраздненію войны [62]).

Вводя соотвѣтствующія поправки, должно замѣтить, что мнѣніе 98 депутатовъ не можетъ считаться мнѣніемъ англійскаго парламента, что постановленія итальянскаго парламента внушаютъ мало довѣрія, что вообще подобныя постановленія парламентовъ лишены серьезнаго значенія, что тѣ же парламенты, при достаточной ловкости министерствъ, вотируютъ какіе угодно кредиты на военныя надобности и даже на войну, что „настоящее политическое положеніе дѣлъ въ Европѣ“ если и можетъ измѣниться, то лишь послѣ войны, а какіе будутъ ея результаты, никому не извѣстно, что предвидѣть рѣшенія европейскихъ представительствъ невозможно и что, наконецъ, въ Россіи дѣйствительно замѣчается нѣкоторое движеніе, стремящееся къ упраздненію войны, но что это движеніе ослабѣетъ или, пожалуй, даже вовсе исчезнетъ при возможномъ нападеніи на насъ нашихъ сосѣдей. Это движеніе имѣетъ, однако, весьма важное, но въ то же время отрицательное значеніе. Основанное въ Россіи въ 1880 году „Общество международнаго права“ имѣетъ цѣлью „способствовать усиліямъ кодификаціи началъ международнаго права, содѣйствовать установленію дружественныхъ отношеній съ иностранными державами и пропагандировать идеи вѣчнаго мира“ [63]). Первая цѣль вполнѣ

[62]) и [63]) Тамъ же, стр. 276 — 277. Если бы авторъ лучше изучилъ исторію, то могъ бы замѣтить, что собственно Россія оказала дѣлу мира гораздо большія услуги, чѣмъ западно-европейскія государства, а также, что услуги въ этомъ отношеніи разныхъ представительствъ сводятся къ нулю, ибо каждое изъ этихъ представительствъ можетъ въ одинъ день высказаться въ какомъ-нибудь одномъ, а на слѣдующій въ прямо противоположномъ смыслѣ, и чуть-ли не каждое представительство это и практикуетъ отъ времени до времени; дѣлаетъ же оно это безнаказанно, ибо никакая серьезная отвѣтственность ему не угрожаетъ.

понятна и логически вытекаетъ изъ самаго наименованія Общества; вторая является поводомъ къ опасенію, чтобы Общество не вмѣшалось въ сферу дѣятельности министерства иностранныхъ дѣлъ; наконецъ, третья, повидимому, безвредна, но въ дѣйствительности можетъ принести извѣстную долю вреда. Конечно, съ точки зрѣнія враговъ Россіи было бы желательно, чтобы эта держава, поддавшись „пропагандѣ идеи вѣчнаго мира", ослабила свою боевую готовность, такъ какъ тогда они могли бы постараться измѣнить „настоящее политическое положеніе дѣлъ" въ ущербъ той же Россіи и въ свою пользу. Съ этой точки зрѣнія мы не можемъ не выразить сомнѣнія въ пользѣ дѣятельности такихъ русскихъ людей, которые, ради воображаемыхъ обще-человѣческихъ интересовъ, забываютъ о дѣйствительныхъ интересахъ своего отечества. Поэтому мы относимся отрицательно и къ идеямъ профессора графа Л. Комаровскаго, приводимымъ въ его сочиненіи *„Le tribunal international"* [64]), равно какъ и къ идеямъ всѣхъ русскихъ и остальныхъ его единомышленниковъ. Поэтому же мы полагаемъ, что проектируемое ими учрежденіе международной юрисдикціи для рѣшенія споровъ или не приведетъ къ желательнымъ для нихъ результатамъ вслѣдствіе трудности осуществленія этой затѣи, или же ускоритъ войну, ибо подобное усовершенствованное изданіе амфиктіонова суда быстро найдетъ своего Филиппа Македонскаго, который не замедлитъ натравить этотъ судъ на того, съ кѣмъ пожелаетъ воевать, или же, въ случаѣ несогласія этого суда съ его взглядами, видами и стремленіями, обойдется и безъ его содѣйствія.

Подобный международный судъ (если бы даже онъ и былъ учрежденъ) могъ бы разбирать какіе-нибудь второстепенные и вообще неважные вопросы, которые и теперь могутъ быть разбираемы, а иногда и разбираются особо выбираемыми третейскими судами; важныя же дѣла едва-ли могли бы быть представляемы на рѣшеніе подобнаго суда, а главное—всякое госу-

[64]) Сочиненіе это вышло въ свѣтъ въ Парижѣ въ 1887 году.

дарство, считающее себя достаточно сильнымъ, а приговоръ суда невыгоднымъ, отказалось бы отъ его принятія и исполненія, а въ такомъ случаѣ выходитъ, что прочія государства должны были бы объявить ему войну для того, чтобы заставить его слѣдовать мирной политикѣ, т. е. получается такой же заколдованный кругъ, какъ ранѣе съ идеями Бокля.

Профессоръ графъ Комаровскій основываетъ возможность того, что государства придутъ къ необходимости международной юрисдикціи, на такихъ доводахъ, какъ „постепенное усиленіе въ нашъ вѣкъ принципа интернаціонализма вообще, тягость милитаризма, который поглощаетъ въ Европѣ ежегодно 3 милліарда на войска и флотъ, наконецъ — очевидная нелогичность удержанія такого средства для охраненія своей безопасности, когда самое это средство и составляетъ главную опасность, такъ какъ оно питаетъ въ народахъ взаимное недовѣріе и раздраженіе“ [65]).

Однако, эти доводы графа Комаровскаго нимало не убѣдительны. Прежде всего нельзя не замѣтить, что дѣйствительное усиленіе интернаціонализма (т. е. не на прокатъ на нѣкоторое время, а въ полной мѣрѣ) гораздо слабѣе, чѣмъ кажется на первый взглядъ, а въ будущемъ можетъ еще и ослабѣть (хотя можетъ и усиливаться) [66]); затѣмъ нельзя не усомниться въ доброкачественности примѣняемаго почтеннымъ профессоромъ масштаба для оцѣнки историческихъ фактовъ и отношеній съ точки зрѣнія логичности; наконецъ, должно признать, что, во всѣ періоды всемірной исторіи въ основѣ взаимныхъ отношеній между народами лежали обыкновенно взаимное же недовѣріе и т. п., прикрываемое, впрочемъ, ради соблюденія политическихъ приличій и ради собственныхъ экономическихъ выгодъ, болѣе или менѣе фарисейскою личиною; къ тому же, если бы не было армій, то миръ не былъ бы вовсе обезпеченъ ни на минуту, ибо

[65]) «Русскій Вѣстникъ», ч. 4-я, стр. 284.

[66]) Ибо самое его усиленіе приведетъ къ такому положенію дѣлъ, которое неминуемо выловетъ его ослабленіе.

тогда возникла бы или, вѣрнѣе, перешла бы изъ скрытаго состоянія въ явное „война всѣхъ противъ всѣхъ“ (по Гоббезу), а для прекращенія подобнаго положенія дѣлъ пришлось бы снова организовать арміи, являющіяся такимъ образомъ оплотомъ мира, если только миръ входитъ въ программу правительствъ тѣхъ державъ, отъ которыхъ (въ извѣстныхъ предѣлахъ) зависитъ сохраненіе мира или допущеніе войны.

Не ограничиваясь приведеніемъ опровергаемыхъ нами положеній графа Комаровскаго, г. Бліохъ и самъ старается доказать ту же идею указаніями, во-первыхъ, на соглашеніе 28 апрѣля 1890 года между Соединенными Штатами, Бразиліею и семью второстепенными американскими республиками, въ силу котораго всѣ споры между ними должны рѣшаться третейскимъ судомъ европейскихъ государствъ, и, во-вторыхъ, на усиленіе въ Западной Европѣ стремленія къ примиренію Франціи съ Германіею и т. п., отчасти въ связи съ усиленіемъ соціализма въ Германіи и вообще въ Западной Европѣ.

Не отрицая этихъ фактовъ, считаемъ необходимымъ протестовать противъ даваемаго имъ освѣщенія. Если американскія республики (хотя еще не всѣ) и подписали подобное соглашеніе, то это произошло по той причинѣ, что онѣ не предвидятъ серьезныхъ причинъ къ столкновеніямъ, а если бы таковыя явились и если бы та или другая изъ этихъ республикъ сочла себя достаточно сильной, то всегда могла бы вызвать войну, выставивъ даже себя защитницей того же нарушаемаго ею соглашенія. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ республикъ довольно часто происходитъ домашняя рѣзня, а потому, при громадной территоріи, малой населенности и большихъ разстояніяхъ, эти республики могутъ удовлетвориться и подобною мелкою борьбою. Что будетъ, когда населенность Америки начнетъ приближаться къ европейской, этого теперь предвидѣть нельзя, но вѣрнѣе всего предположить, что тамъ произойдутъ тогда жесточайшія столкновенія и большія потрясенія. Наконецъ, не секретъ ни для кого, какъ относятся американцы ко всякому случаю вмѣшательства Европы въ ихъ дѣла. Пусть только европейскія

государства попробуютъ нарушить извѣстную формулу *Монроэ*, и тогда миролюбіе американцевъ быстро исчезнетъ [67]).

Что касается примиренія Франціи съ Германіею, то въ настоящее время невозможно даже его себѣ представить тому, кто достаточно знакомъ съ исторіею обѣихъ этихъ странъ и всей Европы. Германія не можетъ отказаться отъ Эльзаса, ибо это было бы равносильно измѣнѣ германскому національному знамени, попранію національныхъ германскихъ традицій, презрѣніемъ всей исторіи Германіи. Ни одинъ Гогенцоллернъ никогда не подпишетъ такого акта, который явился бы отреченіемъ отъ политическихъ идей великаго курфюрста Фридриха-Вильгельма, великаго короля Фридриха II и основателя новой имперіи Вильгельма I. Равнымъ образомъ и Франція не можетъ примириться съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ 1870 года; она можетъ лишь терпѣть его, какъ временное зло, которое должно быть устранено при первой къ тому возможности. Если и раздаются и во Франціи, и въ Германіи голоса въ пользу „ослабленія антагонизма“ между обоими государствами и т. п., и если „общественное мнѣніе переноситъ это спокойно“ (на что особенно налегаетъ г. Бліохъ), то это ровно ничего не доказываетъ, ибо, *во-первыхъ*, подобныя мнѣнія высказываются лицами, принадлежащими къ крайнимъ партіямъ, которыя обыкновенно, находясь не у власти, много говорятъ объ общечеловѣческихъ идеалахъ и выставляютъ себя единственными ихъ носителями и поборниками проведенія ихъ въ жизнь, въ томъ числѣ и прекращенія войнъ; но если бы подобныя партіи захватили власть въ какой-либо странѣ, то это привело бы къ борьбѣ и къ войнѣ гораздо болѣе ожесточенной и кровопролитной, чѣмъ въ остальныхъ случаяхъ, какъ это и подтверждается примѣромъ французской революціи конца XVIII вѣка; *во-вторыхъ*, громадное большинство французовъ никогда не от-

---

[67]) Что было написано нами о возникновеніи извѣстнаго венецуэльскаго вопроса, повлекшаго къ обостренію отношеній между Англіею и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами.

кажется не только отъ нѣмецкой части Лотарингіи, но даже и отъ Эльзаса, признаваемаго ими французскою землею, а съ другой стороны громадное большинство нѣмцевъ никогда не согласится не только на возвращеніе, но даже и на нейтрализацію „имперской области“, при чемъ голоса крайнихъ французскихъ и нѣмецкихъ партій такъ и останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Нужно или не знать дѣйствительнаго настроенія общественнаго мнѣнія Франціи и Германіи, или же, зная, сознательно его извращать для того, чтобы доказывать возможность такого улаженія эльзасъ-лотарингскаго вопроса, о какомъ говорятъ немало въ послѣднее время и на какое намекаетъ г. Бліохъ, впрочемъ весьма осторожно, въ видѣ какъ бы факта въ высшей степени желательнаго, но мало вѣроятнаго. Такимъ образомъ со стороны г. Бліоха это только полемическій пріемъ: онъ не рѣшается выразить прямо увѣренность въ возможности окончательнаго примиренія Франціи съ Германіею, а потому эта его неувѣренность и является только лишнимъ доказательствомъ неосуществимости подобнаго примиренія.

Какъ и многіе другіе поборники идеи вѣчнаго мира, г. Бліохъ нападаетъ на князя Бисмарка, который, хотя и былъ „нѣкогда“ сторонникомъ этой идеи, но „заглушалъ ее потомъ всѣми средствами—силой, пронёй, недоброжелательствомъ своимъ и статьями прессы, получавшей субсидію изъ „Reptilien“-фонда“ [68]). Подобная оцѣнка дѣятельности одного изъ величайшихъ государственныхъ мужей не только Германіи, но и всего міра, въ высшей степени несправедлива. Мы, русскіе люди, не можетъ симпатизировать князю Бисмарку, принесшему много вреда нашему отечеству; но мы можемъ и должны отдавать ему справедливость. Отправною точкою Бисмарка, во всѣхъ его дѣйствіяхъ въ области политики, является благо Пруссіи и Германіи и связанная съ нимъ идея германскаго единства. Ставъ на эту точку зрѣнія, онъ шелъ противъ всего, что, по его

[68]) «Русскій Вѣстникъ», кн. 4-я, стр. 287.

мнѣнію, было противно интересамъ монархіи Гогенцоллерновъ и указанной вдеѣ. Противъ него шли по временамъ разныя партіи, которыя затѣмъ вступали съ нимъ же въ соглашеніе; тѣ же, которыя не вступали, не сдѣлали этого только вслѣдствіе того, что имъ ничего подобнаго и не предлагалъ князь Бисмаркъ. Одна только крайняя партія можетъ считаться безусловной противницей Бисмарка; но эта же самая партія является на словахъ и сторонницей идеи мира, а на дѣлѣ противницей порядка, ибо проектируемые ею порядки привели бы къ хаосу и безпорядку, а затѣмъ и къ всеобщей безпощадной борьбѣ, а слѣдовательно и къ той же войнѣ, противъ которой она же возстаетъ.

Въ виду этого резолюціи конгрессовъ представителей крайнихъ воззрѣній, собиравшихся въ Лозаннѣ въ 1867 и въ Брюсселѣ въ 1868 году, которымъ г. Бліохъ придаетъ немаловажное значеніе, въ смыслѣ шага впередъ въ видахъ торжества идеи мира, въ дѣйствительности лишены подобнаго значенія, равно какъ и дополнительная статья къ резолюціямъ перваго изъ конгрессовъ, добавленная по предложенію французскаго делегата (позже сенатора) Толэна, въ силу которой „послѣдствіемъ войны является пауперизмъ и нарушеніе экономическаго равновѣсія“, а потому нужно, между прочимъ, „упразднить постоянныя арміи“ [69]). Если бы г. Толэнъ и его единомышленники лучше знали и понимали исторію, то едва-ли бы они высказывались въ пользу возвращенія европейскихъ народовъ и обществъ къ тому положенію, въ какомъ они находились, напримѣръ, въ эпоху тридцатилѣтней войны и до нея (когда не было постоянныхъ армій) [70]). Съ этой точки зрѣнія, отмѣчаемое г. Бліохомъ „движеніе противъ войны среди низшихъ общественныхъ классовъ“ вовсе не дастъ тѣхъ результатовъ, на которые онъ разсчитываетъ, а только еще скорѣе приведетъ

[69]) Тамъ же, стр. 289—290.

[70]) См. сочиненія генерала *Пузыревскаго*, посвященныя исторіи военнаго искусства, и дополняющій ихъ мой «Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новые вѣка».

народы къ войнѣ. Самъ же г. Бліохъ отмѣчаетъ заявленія представителей крайней партіи въ Германіи, что „въ случаѣ, если не Германія будетъ нападать, но сама подвергнется нападенію, они примутъ энергичное участіе въ оборонѣ“ [71]), а затѣмъ, что „война съ Россіею популярна“ въ лагерѣ этой партіи, не смотря на то, что она „по принципу“ возстаетъ противъ войнъ вообще [72]). Самъ же г. Бліохъ недоумѣваетъ, что это такое: противорѣчіе-ли провозглашаемому этою партіею національному индифферентизму, или же „политика“ съ ея стороны [73])? Это его недоумѣніе и является лучшею оцѣнкою стоимости заявленій крайнихъ партій въ пользу идеи мира.

Заключительные выводы.

Суммируя все вышесказанное, по отношенію развитія идеи мира въ средѣ европейскихъ народовъ и обществъ въ XIX столѣтіи, приходится вывести заключеніе, что какъ труды упоминаемыхъ и цитируемыхъ г. Бліохомъ „могучихъ умовъ“, такъ и результаты дѣятельности позднѣйшихъ ихъ послѣдователей и популяризаторовъ, въ лицѣ ученыхъ, художниковъ, поэтовъ, романистовъ и даже „дѣловыхъ“ писателей, оказываются, въ лучшемъ случаѣ, лишенными сколько-нибудь полезнаго значенія, скорѣе же ведущими не къ разъясненію, но къ затемненію сущности дѣла, а совпаденіе ихъ стремленій съ программою вышеупомянутыхъ представителей крайнихъ воззрѣній (чего они сами никакъ не ожидали) лучше всего доказываетъ отсутствіе подъ ихъ ногами реальной почвы.

Они могли бы найти подобную почву, изучивъ достаточно тщательно исторію въ самомъ широкомъ смыслѣ, вдумавшись въ нее и обративъ вниманіе хотя бы на слѣдующее соотношеніе цифръ: въ теченіе 34-хъ столѣтій, начиная съ 1500 года

---

[71]) «Русскій Вѣстникъ», кн. 4-я, стр. 300.

[72]) Тамъ же, стр. 315. Одинъ изъ вождей этой партіи признавалъ даже войну съ Россіею «желательною».

[73]) Тамъ же, стр. 300.

до Р. Х. и до нашихъ дней, точнѣе всего —3,395 лѣтъ, миръ продолжался только 250 лѣтъ; въ теченіе же остальныхъ 3,145 лѣтъ велась война! Мало того, при достаточно объективномъ отношеніи къ дѣлу, никакого „прогрессированія" идеи мира усмотрѣть изъ тѣхъ же цифръ нельзя; большая или меньшая продолжительность мира, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, зависѣла не отъ того, насколько государства, народы и общества усваивали себѣ эту идею, а отъ того, насколько сталкивались ихъ интересы (хотя и не всегда ясно ими же сознаваемые), и насколько они сами были сильны для того, чтобы отстаивать эти интересы съ оружіемъ въ рукахъ. На нашихъ глазахъ замѣчается, если не безусловное торжество, то, во всякомъ случаѣ, весьма замѣтное усиленіе матеріализма, въ связи съ накопленіемъ въ рукахъ народовъ и обществъ разныхъ средствъ, въ томъ числѣ и средствъ пораженія. При такихъ условіяхъ усмотрѣть „прогрессированіе" идеи мира можетъ лишь тотъ, кто желаетъ его усмотрѣть, во что бы то ни стало, хотя бы наперекоръ дѣйствительности.

Не считая возможнымъ слѣдовать по столь сомнительному пути, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

А) Въ настоящее время пора уже приступить къ устраненію той путаницы въ понятіяхъ, которая господствуетъ не только въ средѣ мыслящаго общества, но и въ ученомъ мірѣ, по вопросу о войнѣ и ея значеніи въ ряду другихъ явленій въ жизни народовъ и обществъ.

Б) Въ видахъ разъясненія и окончательнаго рѣшенія этого вопроса ученый міръ, вообще, долженъ идти впереди общества.

В) Современные (а тѣмъ болѣе будущіе) ученые должны идти по пути, указанному не Боклемъ, его единомышленниками и ихъ послѣдователями, но вышеупомянутыми древне-греческими мыслителями и дѣятелями, т. е. быть не только *людьми мысли и слова*, но и *людьми дѣла*. Они должны изучать исторію всесторонне и остерегаться злоупотребленія предвзятыми идеями. Въ частности ученые не-военные должны отрѣшиться разъ на всегда отъ пренебрежительнаго отношенія къ войнѣ и

военному дѣлу, являющагося слѣдствіемъ болѣе или менѣе полнаго незнакомства ихъ съ сущностью человѣческой природы и съ сущностью военнаго дѣла: они должны, наконецъ, уразумѣть, что война, какъ проявленіе борьбы за существованіе въ весьма широкихъ размѣрахъ, будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать человѣческій родъ, и что возставать противъ войны — дѣло совершенно праздное и не имѣющее смысла [74]). Въ то же время ученые военные должны расширить въ достаточной степени свой кругозоръ и отрѣшиться отъ опаснаго самообольщенія, приводящаго ихъ къ предположенію возможности уединенія военныхъ явленій и отношеній отъ остальныхъ (какъ бы подъ стекляннымъ колпакомъ), ибо подобное уединеніе есть пріемъ хотя и полезный, но отнюдь не окончательный, а только промежуточный, послѣ котораго должно переходить къ слѣдующимъ пріемамъ, не останавливаясь на половинѣ пути. Короче говоря, ученые военные должны быть не только *людьми дѣла,* но и въ достаточной степени *людьми мысли* и при томъ въ самомъ широкомъ смыслѣ; вопросъ же о томъ, насколько они должны или могутъ быть *людьми слова,* имѣетъ лишь второстепенное значеніе и рѣшится, при вышеупомянутомъ условіи, самъ собою.

Г) Разъ установится исполненіе требованій, поставленныхъ въ предыдущихъ пунктахъ,—установится и надлежащая связь между ученымп военнымп и не-военнымп, на пользу общаго дѣла, при чемъ и споръ о значеніи войны въ ряду другихъ явленій въ жизни народовъ и обществъ потеряетъ вредный для того же дѣла характеръ, а въ такомъ случаѣ устранится и главное препятствіе къ выясненію сущности отношеній между стратегіею и политикою.

---

[74]) Съ точки зрѣнія науки, но не съ точки зрѣнія идеаловъ, лежащихъ внѣ области науки и безконечно выше ея, противъ которыхъ мы не идемъ и предъ которыми преклоняемся.

Д) Разъ установятся удовлетворительныя отношенія между политикою и стратегіею, то и *нецѣлесообразныя* войны сдѣлаются менѣе вѣроятными; возставать же противъ *цѣлесообразныхъ* войнъ можетъ лишь тотъ, кто не вѣдаетъ, что творитъ и что говоритъ.

П. А. Гейсманъ.

Сочиненіе того же автора. Изданіе В. А. Березовскаго.

Отъ Берлина и Вѣны къ Петербургу и Москвѣ и обратно. Отвѣтъ воинствующимъ тефтонамъ-руссофобамъ (съ картой). Изд. 2-е, исправл. и дополненное. 1 р. 25 к.

Цѣны безъ пересылки.

Съ требованіями на эти книги слѣдуетъ обращаться въ военно-книжные: складъ В. А. Березовскаго (Спб., Колокольная, № 14) и магазинъ Н. В. Васильева (Спб., Офицерская, № 6), въ географ. и книжн. магазинъ Главнаго Штаба и въ книжный магазинъ „Новаго Времени".

Печатается:

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ (1721 — 1789). Историческій очеркъ военной и государственной дѣятельности. Съ портретомъ и 3 картами (на одномъ полулистѣ). Составили *П. А. Гейсманъ* и *А. Н. Дубовской*.

Съ требованіями обращаться въ военно-книжный магазинъ Н. В. Васильева (Офицерская, 6).

А. А. Пороховщикова.

Бассейная 3—5.

ИЗБА.

ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ЖИЗНИ НАРОДА И ГОСУДАРСТВА.

Рѣчь А. А. Пороховщикова на Всероссійской Нижегородской Выставкѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Краткая исторія вопроса объ обращеніи деревянно-соломенной Руси въ огнестойкую и несгораемую отъ Петра Великаго до нашихъ дней.

(Письмо о. Іоанна Кронштадтскаго).

Цѣна съ перес. 15 коп.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ

СЛАВЯНОФИЛЬСКАГО УЧЕНІЯ.

А. Кирѣева.

Цѣна съ перес. 15 коп.

ВЪ ЭТОЙ ЖЕ ТИПОГРАФІИ

ПРОДАЮТСЯ

АЛЬБОМЫ АВТОГРАФОВЪ,

составленые по заказу для Америки.

Цѣна одинъ руб., съ перес.

Содержаніе: 1) Портреты. 2) Фотографіи. 3) Картины-оригиналы. 4) Снимки съ рисунковъ. 5) Поэтическіе и прозаическіе автографы и наброски. 7) Музыкальный отдѣлъ. 7) Ноты.

Дозволено цензурою Спб. 5 Октября 1896 г. Типографія А. Пороховщикова. Бассейная, 3—5.